
Камила Левитан ✦ Анна Шилд
Развод с предателем.
Ты подставил меня под тюрьму, чтобы отдать моё наследство любовнице!

Анна Шилд
Камила Левитан

Развод с предателем. Ты подставил меня под тюрьму, чтобы отдать моё наследство любовнице!

https://litres.ru/74733688
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж попросил меня восстановить старинные часы. Я нашла внутри тайник с опасным порошком и чипом памяти. Через минуту в мастерскую вошли следователи.

Артур заранее подготовил документы, чтобы обвинить меня в преступлении. Пока я пыталась спасти репутацию, его любовница распоряжалась семейным бизнесом, а квартиру моего больного деда переписали на клуб.

Он считал, что я всего лишь удобная жена, которая подпишет любую бумагу.

Но я умею находить секреты даже в механизмах трёхсотлетней давности.

Теперь у меня есть улики, опасный союзник — следователь Дмитрий Карпов — и одна цель: вернуть деду дом, себе свободу, а предателю устроить настоящую расплату.

И больше не бояться.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 34
Глава 6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Камила Левитан, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты подставил меня под тюрьму, чтобы отдать моё наследство любовнице!

Глава 1

В мастерской клуба «Кронос» я различала тиканье каждого будильника: у двери спешил «Маяк», на полке лениво щёлкали дедовские часы. Здесь пахло старым деревом, машинным маслом и пылью, которая осела на веках столетних механизмов. Я сидела за верстаком, зажав часовую лупу у левого глаза, и чувствовала себя богом микромира. Передо мной лежал снятый механизм напольных часов «Кронос», уникального экземпляра XVIII века, который Артур притащил мне три дня назад со словами: «Сделай красиво, Марина. Это для меня».

Мои пальцы, привыкшие к тонкой работе, дрожали от на-

пряжения. Шестерня в колесном блоке заедала. Зазор был во много раз тоньше человеческого волоса, а зубец всё-таки цеплялся за соседнее колесо. Идеальный ритм тиканья сбился. «Тик... пауза... та-ак.» Звук был неправильным, хриплым, как кашель умирающего.

Я выдохнула, стараясь успокоить сердцебиение. В голове всплыла сумма долга за аренду этой самой мастерской, которую я снимала через знакомых Артура, чтобы иметь легальное место для работы. Если я не сдам экспертизу сегодня, завтра придут коллекторы. А послезавтра моя жизнь превратится в ад.

Взяв пинцет с иглой толщиной меньше миллиметра, я осторожно подцепила зубец шестерни. Логика подсказывала: брак производителя, металл устал. Но на зубцах я не находила следов обычного износа. Этот механизм дышал жизнью. Он сопротивлялся мне, как живой зверь, пойманный в ловушку. Я почувствовала холодное скольжение металла по коже подушечек пальцев, запах смазки, въевшийся в ногти годами.

— Ну давай, родной, — прошептала я одними губами. — Покажи свой характер.

И тут телефон завибрировал прямо на столе, заставив меня вздрогнуть так, что пинцет соскользнул и оставил царапину на крышке корпуса.

На экране горело имя: Артур.

Я смотрела на него, пока он не перестал звонить, а потом

набрала номер сама. Голос мужа был мягким, бархатным, таким, каким он говорил со мной только тогда, когда ему что-то нужно было от меня. Или когда он хотел, чтобы я поверила в его любовь.

— Привет, солнце. Ты закончила? Курьер уже едет.

— Артур, там проблема с колесным блоком, — начала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Мне нужно еще пару часов, чтобы идеально отрегулировать...

— Не о часах речь, Марин. Где ключ от моего сейфа? Тот маленький, серебряный. Ты брала его из ящика комода?

Я замерла. Мысль о том, что он сейчас проверяет мои карманы, даже находясь за тысячу километров, вызвала тошноту.

— Нет, Артур. Я не беру твои личные вещи. У меня работа.

— Не валяй дурочку. Ты знаешь, где он. Верни на место. И поторопись. Клиент нервничает.

Он повесил трубку раньше, чем я успела сказать хоть слово. Связь оборвалась резко, оставив после себя гулкое эхо в тишине мастерской. Я сунула телефон в карман фартука, чувствуя, как челюсти сводит от злости. Опять эта игра в контроль. Опять ощущение, что я не жена, а прислуга, обязанная знать все его тайники.

Вернулась к часам. Руки снова стали твердыми. Я взяла эндоскопическую камеру — маленькую, размером с иголку, которую мы использовали для осмотра внутренних полостей

корпусов, куда не проникал свет. Нужно было понять природу заедания глубже, под задней крышкой основного барабана.

Камера скользнула в щель между пластинами. На мониторе ноутбука развернулось странное зрелище. Там, где должна быть чистая бронза и сталь, среди шестеренок, блеснуло что-то инородное. Что-то, что не имело отношения к механике XVIII века.

Это была капсула. Металлическая, закреплённая у внутренней стенки корпуса так искусно, что снаружи её невозможно было заметить. Только если ты не разбираешь механизм до последнего винтика. Только если ты эксперт, подписавший акт о полной реставрации и проверке каждого узла.

Я приблизила камеру к креплению и задержала дыхание. Кто-то вскрывал эти часы до меня. Подменил деталь? Нет, капсула была скрыта под креплением барабана.

Я отложила камеру. Пальцы сами потянулись к отвертке с тончайшим жалом. Инстинкт профессионала требовал аккуратности, а животный страх кричал: «Остановись!» Но я остановиться не могла. Долг за аренду. Страх перед Артуром, который ждал отчет. Любопытство, которое всегда было моей слабостью.

Аккуратно, с ювелирной точностью, я поддела край капсулы. Она отделилась от корпуса с тихим щелчком, который в наступившей тишине прозвучал как выстрел.

Внутри лежало два предмета. Первый — чип памяти в

свёрнутой защитной плёнке. Второй — стеклянная ампула с белым порошком. Я переводила взгляд с ампулы на чип, боясь притронуться к любому из них.

Мир вокруг качнулся. Запах масла вдруг стал тошнотворным, сладковатым и тяжелым. Я поняла, почему Артуру так нужен был мой сертификат подлинности. Почему он настаивал, чтобы я лично подписала заключение, не позволяя ассистентам вмешиваться. За антикварным корпусом прятался тайник. Порошок мог оказаться чем угодно, но прятали его отнюдь не ради сохранности часов. А в акте стояла моя подпись: никаких посторонних включений.

Дверь мастерской распахнулась без стука.

Я не успела даже моргнуть. Два человека в серых костюмах вошли внутрь, блокируя единственный выход. Один из них, высокий, с лицом, высеченным из гранита, посмотрел на меня поверх очков. Другой сразу схватился за рукоять пистолета в кобуре под пиджаком.

— Марина Волкова? — спросил первый. Его голос был низким, ровным, лишенным эмоций.

Я открыла рот, но не смогла выдавить ни звука. Горло перехватило.

— Следователь Карпов, — представился он, доставая корочку. — Прокуратура. По подозрению в хранении особо опасных веществ и отмывании денежных средств через фиктивные сделки с культурными ценностями.

Карпов. Имя всплыло в памяти смутно, как обрывок сна.

Дмитрий Карпов. Человек, которого Артур ненавидел всей душой, называя «сухим сухарем из ведомства».

— Вы можете объяснить, зачем вам понадобилось вскрывать заднюю панель корпуса, — продолжил Карпов, медленно подходя к верстаку. Его взгляд упал на разобранную капсулу и белый порошок в ампуле. — Хотя лучше бы вы этого не делали. Теперь у нас есть ваши отпечатки на вещдоке.

— Я... я не знала, — прошептала я. Голос дрожал, выдавая меня с головой. Жертва. Именно так я выглядела. Испуганная женщина, запачканная машинным маслом, стоящая над уликой.

— Ваша подпись стоит на акте приема-передачи, датированном тремя днями назад, — Карпов положил на стол бумагу. Бумага лежала ровно, уголок к уголку. — Согласно документу, вы подтверждаете целостность механизма и отсутствие посторонних включений. То есть, вы либо лжете следствию, либо действительно не видели капсулы, потому что она была установлена после вашей проверки. Кому вы доверяли эту работу?

Мозг лихорадочно работал. Артур. Конечно, Артур. Он передал мне часы, сказав, что они «чистые». Он знал, что я найду капсулу? Или он рассчитывал на мою слепую доверчивость? На то, что я подпишу бумагу, не глядя?

— Муж, — сказала я тихо. — Артур Громов.

Карпов усмехнулся. Это была не улыбка, а трещина на льду.

— Господин Громов является свидетелем по этому делу. Он утверждает, что приобрел часы у частного коллекционера и передал их вам исключительно для технической диагностики. Он не знает о содержимом капсулы. Он готов дать показания в вашу пользу... если вы назовете имя того, кто реально организовал сделку.

Ложь. Артур никогда не спасал никого. Тем более меня. Он использовал меня как расходный материал. Как ширму.

— Вы понимаете, что грозит вам? — Карпов наклонился ближе. От него пахло дорогим парфюмом и холодным табаком. — Десять лет строгого режима. Плюс конфискация имущества. Ваша мастерская, ваши инструменты, ваша репутация. Все сгорит.

Я смотрела на свои руки. Под ногтями чернела грязь. На костяшках были свежие порезы от металла. Эти руки создавали красоту. Они возвращали к жизни историю. А теперь они держали доказательство преступления.

— Скажите правду, Марина, — голос Карпова смягчился, став почти интимным, опасным. — Кто еще участвовал в схеме? Кто заказчик? Назовите имена, и я гарантирую, что вы выйдете отсюда свободной. Ваш муж получит срок, а вы будете работать дальше.

Предать Артура? Даже такого, как он? Социальное давление в мире элиты было жестче бетона. «Стукачка» — клеймо, от которого не отмоешься никакими растворителями. Но свобода... Возможность не сесть в тюрьму за то, чего я не

делала...

Я сделала глубокий вдох. Воздух в легких горел огнем.

— Артур, — произнесла я твердо, глядя Карпову прямо в глаза. — Артур Громов организовал доставку. Он сказал, что это тест на лояльность. Что если я подпишу акт, он решит мои проблемы с долгами.

Карпов медленно кивнул, доставая блокнот.

— Хорошо. Продолжайте. Что именно он имел в виду под «тестом»?

Глава 2

В этот момент в дверь постучали. Не робко, как курьер, а уверенно, властно. Три удара. Ритмичные. Как тиканье больших напольных часов.

Карпов поднял голову, нахмурившись. Его сопровождающий шагнул к двери, но та открылась сама.

На пороге стояла Елена Соколова. Светская львица, лицо клуба «Кронос», женщина, чьи фотографии украшали обложки журналов, а улыбка стоила больше, чем вся моя мастерская вместе с инструментами. За ней маячили двое крепких мужчин в темных очках, несмотря на пасмурный петербургский день.

Елена вошла, не дожидаясь разрешения. Ее каблуки цокали по паркету, заглушая тиканье механизмов. Она прошла мимо следователей, словно их не существовало, и остановилась напротив меня. Пахло от нее тяжелыми, сладкими духами и деньгами.

— Артур просил передать, что ты всё поняла правильно, — сказала она. Ее голос был медовым, но в нем чувствовалась сталь. — И что дедушкина квартира в Пушкине теперь принадлежит клубу. Официально переоформлена сегодня утром.

У меня перехватило дыхание. Дед. Мой старый, больной дед, который жил один и не мог никуда пойти.

— Не вздумай писать заявление, — добавила Елена, понизив голос до шепота, хотя Карпов и его люди находились в двух метрах от нас. — Ни на кого. Ни на полицию. Ни на суд. Ты же не хочешь, чтобы твой дед остался на улице зимой?

Карпов резко выпрямился.

— Мадам, вы нарушаете ход следственных действий. Удалитесь.

Елена даже не посмотрела в его сторону. Она продолжала смотреть на меня. В ее глазах не было злобы. Было спокойствие хищника, который загнал жертву в угол и играет с ней.

— Беги, девочка, — прошептала она мне на ухо, наклонившись так близко, что я почувствовала тепло ее дыхания. — Пока они не пришли за тобой. Серьезно. Беги.

Затем она выпрямилась, улыбнулась своей фирменной, ослепительной улыбкой, которая не достигала глаз, и развернулась к выходу.

— Извините за вторжение, господа. Просто пришла забрать своего сотрудника.

Она вышла, оставив за собой шлейф духов и ужаса. Дверь закрылась с глухим щелчком замка.

За дверью ещё цокали каблуки Елены. Я ждала, когда стихнет последний шаг, и всё равно не решалась заговорить.

Карпов медленно убрал руку с кобуры. Его лицо было непроницаемым, но я видела, как напряжены его скулы. Я уже не понимала, кому здесь можно доверять. Елена Соколова была частью схемы, и она только что продемонстриро-

вала, что может купить или уничтожить любого.

— Вы слышали угрозу, — сказал Карпов. Это не было вопросом.

— Да, — ответила я. Голос сорвался.

— Тогда нам нужно срочно убрать вас под защиту. Прямо сейчас.

Он сделал шаг ко мне, протягивая руку. Помощь. Спасение. Или капкан.

И тут часы ожили.

Не те, что я чинила. Другие. Огромные настенные часы в углу мастерской, которые молчали последние полгода из-за сломанного боя.

Бум.

Громкий, оглушительный удар колокола сотряс стены.

Бум.

Пыль посыпалась с полок. Стекло в витринах зазвенело.

Бум.

Я отшатнулась, ударившись спиной о верстак. Инструменты посыпались на пол, звеня, как оружие.

Бум.

Часы били полночь. Фальшиво. Дисгармонично. Каждый удар звучал так, будто кто-то бил молотом по живому мясу.

Я смотрела на циферблат, на стрелки, застывшие на двенадцати, и понимала: время вышло. Артур не просто предал меня. Он начал игру. И первым шагом было не убийство, а изоляция.

Карпов схватил меня за локоть. Его хватка была сильной, почти болезненной.

— Идем. Сейчас. Быстро.

Но я не двигалась. Я слушала бой часов. Внутри этого ритма, в каждом ударе, было скрытое послание. Артур всегда любил метафоры.

«Тик-так. Предательство. Тик-так. Расплата.»

И я знала, что следующей жертвой буду не я. Следующей будет правда. А я должна была найти способ вытащить её из этого ада.

— Я не пойду с вами, — сказала я, вырывая руку.

Карпов замер.

— Что?

— Я не пойду с вами, — повторила я. Локоть ещё болел от его пальцев; я прижала руку к себе и отступила за верстак. — Потому что вы опоздали. Они уже здесь.

И в этот момент свет в мастерской погас.

Свет в мастерской погас, но темнота длилась всего секунду. Потом вспыхнули фонари — десятки лучей, режущих воздух, как скальпели. Я не видела лиц, только белые пятна на стенах и тень Карпова. Он шагнул ко мне и снова схватил за локоть; его пальцы впивались в ткань моей блузки, оставляя синяки.

— Волкова, руки за голову! — рыкнул кто-то из оперативников. Голос был молодой, сорванный от адреналина.

Карпов не отпускал. Наоборот, сжал сильнее, выворачи-

вая мою руку под неестественным углом. Боль ударила в плечо, отдавая эхом в зубах.

— Телефон, документы, ключи. На стол. Быстро, — прошипел он мне в ухо. В его дыхании пахло дорогим табаком и холодным кофе. — Если ты думаешь уничтожить улики, Марина, то ты ошибаешься. Здесь уже работают эксперты. Каждый винтик в этой комнате будет описан.

Я смотрела на свой рабочий стол. Там лежал чертёж. Тот самый, уникальный механизм «Хронос-9», над которым я билась три месяца. Артур забрал оригинал, оставив мне копию, но в этом чертеже была моя подпись, мой почерк, мои ошибки. И если они увидят его сейчас...

Мои пальцы дрогнули. Не от страха. От ярости.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала я тихо, глядя на свои туфли. Каблук был сломан, обломанный шип царапал пол. — Вы нарушаете закон. У вас нет ордера на личный обыск до момента задержания.

— Есть, — Карпов вытащил из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. Бумага была влажной от пота. — Подпись следователя. Твой муж, Артур Громов, предоставил нам информацию о незаконном обороте культурных ценностей и подделке экспертных заключений. Ты подозреваемая.

Громов. Мой муж. Человек, который вчера вечером целовал меня в макушку и говорил, что любит тишину нашего дома. Теперь он стал стукачом. Он предал меня ради того, чтобы спасти себя? Или ради Елены Соколовой, чьё лицо

мелькало в новостях как «муза» клуба «Кронос»?

Я медленно подняла глаза на Карпова. В его взгляде не было сочувствия. Только скука профессионала, который видел сотни таких, как я. Женщин, которые думают, что их любовь защищает их от реальности.

— Хорошо, — произнесла я. Голос звучал чужим, стеклянным. — Я сдаю телефон.

Я начала снимать часы с запястья. Это были мои старые, дедовские механические часы. Единственная вещь, которая помнила время до Артура. Пальцы скользили по браслету. Я тянула время. Секунда за секундой. Мне нужно было понять, где именно находится чертёж. Он лежал под стопкой бумаг, справа от монитора. Но столик был завален деталями.

В этот момент один из оперативников, толстый мужчина в жилете с надписью «ПОЛИЦИЯ», шагнул к стеллажу с инструментами. Его локоть зацепился за верхнюю полку.

Звонкий грохот разорвал тишину. Миллионы деталей — шестеренки, пружины, винтики размером с песчинку — посыпались на пол. Звук был страшнее взрыва. Для любого другого это был просто шум. Для меня это был крик боли. Это был хаос, вторжение в мой идеальный мир порядка.

— Черт! — выругался оперативник, отпрыгивая назад. — Уберем потом. Не трогайте ничего лишнего!

Что-то щелкнуло внутри меня. Не страх. Не разум. Инстинкт реставратора.

— Не смейте! — закричала я.

Прежде чем Карпов успел среагировать, я рванулась вперед. Не к выходу. К полу. Я упала на колени среди рассыпанных латунных осколков. Острые края впивались в кожу коленей, через тонкую ткань джинсов. Я начала собирать детали. Пинцета под рукой не было; крошечные винтики я подцепляла ногтем большого пальца.

— Стоять! — рявкнул Карпов. Его рука легла на кобуру. — Волкова, прекратите истерику!

— Под ногами у вас анкерная вилка! — Я потянулась к его ботинку. — Поднимите ногу, не двигайте!

Вилка была цела. Я подхватила её за длинный конец и только тогда смогла вдохнуть. Сначала её спасти. Потом себя.

Глава 3

Дверь в гостиную открылась. Скрип петель был таким громким, что все замерли.

Вошел Артур.

Он выглядел безупречно. Темно-синий костюм, белая рубашка, идеально завязанный галстук. Рядом с ним шагал адвокат — лысый человек с портфелем, который пах новой кожей и деньгами. Артур даже не посмотрел на меня. Его взгляд прошел мимо, словно я была частью интерьера, пылью на полке.

— Дмитрий Сергеевич, — сказал Артур Карпову, игнорируя мое присутствие. — Моя жена в состоянии шока. Она может быть опасна для себя и окружающих. Я требую изолировать её немедленно. Возможно, понадобится психиатрическая экспертиза.

Под ногтем застрял винтик. Я сжимала его, пока остриё не впилось в палец, и смотрела на адвокатский портфель. Они унесут туда бумаги, а меня увезут туда, где никто не станет слушать. Артур даже не спросит, в какую больницу. Он уже договорился.

Я перестала собирать детали. Медленно подняла голову. Наши глаза встретились. В его взгляде не было любви. Не было ненависти. Было облегчение. План сработал. Я была жертвой обстоятельств, сумасшедшей женой, которая не по-

нимает своей вины. Идеальная ширма.

Я встала. Колени ныли, одежда была в пыли и крови. Но спина прямая.

— Артур, — позвала я. Голос был тихим, но твердым.

Он вздрогнул, наконец обратив на меня внимание. Его лицо исказилось гримасой раздражения.

— Что тебе нужно, Марина? Промолчи. Адвокат решит.

Я кивнула. И отвернулась от него. От всех них.

Цель изменилась. Не оправдаться. Не бороться за справедливость здесь и сейчас. Исчезнуть. Найти чертёж. Найти выход.

Пока все были заняты арестом и описью имущества, пока оперативники фотографировали стеллажи, а адвокат шептался с Артуром, я сделала шаг к балконной двери. Один шаг. Затем второй. Движение было незаметным, прикрытым телами людей.

Дверь была заблокирована. Цепочка безопасности. Та самая, которую Артур установил месяц назад, когда начал параноидально бояться конкурентов из клуба «Кронос». «Для защиты от взломщиков», — сказал он тогда, улыбаясь своей хищной улыбкой. Теперь эта защита стала моей тюрьмой.

Ирония судьбы пахла железом и страхом.

Я прижалась спиной к стене, делая вид, что плачу. Плечи тряслись. Оперативники отвернулись, брезгливо морщась. Никто не хотел смотреть на женские слезы. Это давало мне секунды.

Присев у стены, я нащупала на полу маленькую плоскую отвёртку. Она выпала из стеллажа вместе с остальными деталями. Лезвие было острым, рукоять потертой. Идеальный инструмент.

Я присела, будто подбирая последнюю деталь. На самом деле я оценивала крепление цепочки. Оно было прикручено к гипсокартону двумя саморезами. Хлипко. Очень хлипко. Гипсокартон не держит металл. Особенно если знать, куда давить.

Я воткнула кончик отвертки в стык между пластиной механизма и стеной. Провернула. Винт пошел туго. Пот стекал по виску, попадая в глаз, разъедая слизистую. Я не моргала.

Сзади раздался голос Карпова:

— Волкова! Куда?

Шаги приближались. Тяжелые, уверенные. Десять секунд. Может, меньше.

Я напрягла бицепсы. Мышцы рук горели от напряжения и боли в порезанных пальцах. Кровь капала на светлый ламинат. Красные точки. Как капли времени.

Рывок. Металлический скрежет. Пластик треснул. Винты выскочили из стены, оставив дыры в сером картоне. Механизм цепочки повис на одной петле.

Балконная ручка повернулась. Холодный питерский ветер ударил в лицо, ворвался в легкие, смешиваясь с запахом дождя, канализации и старой краски. Воздух снаружи был живым. Внутри — мертвым.

— Стой! — заорал Карпов.

Я не остановилась. Выскользнула на балкон. Пол был мокрым. Под ногами скрипнуло.

На балконе не было обычной лестницы. Только складной пожарный трап, свисающий вниз, прикованный к перилам старым амбарным замком. Замок был ржавым, коричневым от окисления.

Карпов появился в дверном проеме. Его силуэт заслонил собой весь свет гостиной. Рука тянулась к поясу, к наручникам или табельному оружию. Лицо было искажено недоумением и злостью.

— Не глупи, там три этажа! — крикнул он. Голос дрожал. Не от угрозы. От предчувствия потери контроля.

За его спиной маячил Артур. Бледный, как мел. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Будто перед ним стояла не его мягкая, покорная жена, а чужак. Опасный чужак.

Я не смотрела вниз. Смотрела на замок.

Амбарный навесной замок. Типовой механизм. Штифтовой цилиндр внутри корпуса. Дужка проходит сквозь корпус. Если нанести точный удар в точку соединения дужки и корпуса, можно расшатать штифт. Не сломать. Расшатать.

Рядом с замком лежал тяжёлый гаечный ключ. Я подхватила его, сунув отвёртку в карман.

Я перехватила ключ удобнее. Почувствовала баланс. Центр тяжести. Это было естественное движение, такое же привычное, как дыхание.

Карпов сделал шаг вперед, наступая на край балкона.

— Марина, дай мне руку!

Я замахнулась. Не сильно. Точно.

Удар звенел, как колокол. Металл о металл. Искры высеклись во тьме.

Дужка замка провернулась, освободившись из захвата. Трап качнулся, издав лязг цепи, и повис свободным.

Время замедлилось. Я видела, как меняется выражение лица Карпова. Страх исчез. Осталось восхищение. Холодное, профессиональное любопытство.

Артур вскрикнул что-то неразборчивое, схватившись за перила.

Я оттолкнулась ногой от перил и прыгнула на трап. Металл обжег ладони. Холод пронзил кости.

Падение началось.

Трап загрохотал, разматываясь вниз. Я висела на руках, чувствуя, как мышцы спины рвутся от нагрузки. Ладони горели огнем. Кожа сдиралась о ржавые ступени.

Внизу был мокрый асфальт и ряд мусорных баков. Черные пластиковые гиганты, источающие запах гнили.

Сверху, на уровне третьего этажа, осталось лицо Карпова. Он не стрелял. Не пытался спуститься следом. Он просто смотрел.

Я услышала его голос, долетающий сквозь шум ветра и собственный пульс в ушах:

— Она не жертва. Она профи. Держите глаза открытыми.

Эта фраза впилась в мозг острее, чем боль в руках. Теперь я не просто беглая. Я — цель. Интересная, сложная, опасная цель для Дмитрия Карпова.

Трап закончился. Мои ноги нащупали последнюю ступень разложившегося трапа. Я отпустила руки.

Падение последних двух метров казалось вечностью. В голове крутились картинки: лицо Артура, рассыпанные детали, чертёж на столе.

Я группировалась. Перекатилась через плечо, избегая прямого столкновения с пластиковыми крышками баков. Голова ударилась о бортик, перед глазами вспыхнули искры. Боль была адской, горячей, волной разливающейся по всему телу.

Но я была жива.

Поднялась, шатаясь. Левое плечо отказывало. Правая рука была в крови и грязи. Одежда разорвана на коленях и локтях. Я выглядела как побитая собака.

Шаги сверху затихли. Кто-то кричал, требуя закрыть дверь, но звук терялся в гуле ночного города.

Я побежала. В темные арки двора, где не было камер, где не было свидетелей. Где начиналась другая жизнь.

Добежав до угла соседнего дома, я спряталась в тени. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, выбьет ребра. Я оперлась спиной о холодную кирпичную стену, скользя вниз, пока не оказалась сидящей в луже холодной воды.

Вода пропитала одежду мгновенно, обжигая кожу. Я дро-

жала. Не от холода. От адреналина, который теперь отпускал хватку, оставляя после себя пустоту и звенящую ясность.

Я закрыла глаза, вдыхая запах мокрого асфальта и бензина. Этот запах означал свободу. Горькую, грязную, настоящую свободу.

И вдруг я поняла одну вещь. Одну деталь, которую Артур Громов, со всей своей гениальной жестокостью и расчетливостью, упустить не мог. Но упустить пришлось. Потому что он считал меня слабой. Послушной. Той, кто всегда сидит в мастерской и слушает тиканье часов.

Он забыл.

Он забыл, что я знаю, где он прячет свои секреты. Потому что я их туда и положила.

Глава 4

В гараже деда я не видела даже своих коленей. Где-то справа капало, под воротами тянуло по щиколоткам, а в темноте пахло ржавчиной, бензином и чем-то сладковато-гнилым. Я поворачивала голову на каждый звук, пытаясь вспомнить, с какой стороны стоит «Волга».

Сидела на перевёрнутом ведре из-под краски, обхватив колени. Край ведра врезался в бедро, но пересесть не хватало сил. Я растирала пальцы, по одному сгибала их. Утром могла удержать пинцетом винт меньше песчинки. Сейчас не могла расстегнуть собственный карман.

В кармане куртки лежала коробка спичек. Двенадцать штук. Моя последняя надежда на тепло. Я достала одну, чиркнула о коробок. Головка отлетела, рассыпавшись серой пылью по полу. Вторая сломалась в пальцах, не успев загореться. Третья... третья просто не зажглась. Фосфорная полоска стерлась до основания.

Руки дрожали так сильно, что я не могла удержать даже этот крохотный кусочек дерева. Зубы стучали, выбивая дробь, похожую на тиканье механизма, который вот-вот сорвется с оси. Мне нужно было открыть консервы. Банка тушёнки стояла рядом, блестя жестяными боками. Ключ для открывания был там же, на полке, но мои пальцы скользили по металлу, оставляя лишь мокрые следы пота. Бессилие ду-

шило сильнее холода. Я хотела закричать, но горло перехватило спазмом.

И тогда я сделала то, что раньше показалось бы мне безумием. Поднесла запястье к зубам. Резко, до боли. Кожу защипало от укуса.

Красная капля выступила мгновенно, горячая и солоноватая. Боль пронзила руку, ударила в виски, рассекая туман паники острой иглой ясности. Я выдохнула. Пальцы перестали дрожать. Большой палец наконец прижал ключ к указательному, не соскользнув. Вставила его в крышку банки и потянула. С шипением, будто выпуская пар из котла, банка открылась. Тушёнка пахла жиром и солью, и я ела её прямо из банки, пальцами, чувствуя вкус жизни, грубой и неотесанной.

Тишина вернулась. Но теперь она звенела.

Скрежет.

Он начался тихо, где-то в глубине гаража, за спиной «Волги». Металл терся о металл. Ш-ш-ш. Ритмично. Как маятник огромных часов. Я замерла, не донеся кусочек тушёнки до рта, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Крысы? Нет, крысы скребут хаотично. Это было размеренно. Инженерно. Артур любил такие звуки. Он называл их «музыкой власти».

Страх сковал ноги свинцом. Логика кричала: беги. Но бежать было некуда. За дверью — ночь, холод и люди Артура, которые уже искали меня. Внутри — темнота и этот звук.

Я медленно поставила банку на пол. Взяла гаечный ключ, который лежал рядом. Тяжелый, рифленый, промасленный. Единственное оружие, которое у меня осталось. Мой вес стал точкой опоры. Если они пришли убить меня, пусть попробуют сделать это быстро. Я не буду жертвой. Жертвы не кусаются.

Шаги гулко отдавались в пустоте. Каждое движение требовало воли. Звук приближался. Ш-ш-ш. Я обошла заднюю часть машины. Сердце колотилось так, что я слышала его удары в ушах, заглушая реальность. И вдруг увидела источник.

Цепь. Старая, тяжелая цепь от ворот, болтавшаяся на ветру, ударяясь о ржавую трубу водостока. Ветер выл снаружи, гоняя эту дурацкую железку туда-сюда.

Я выдохнула, и выдох получился похожим на рыдание. Смех сквозь слезы. Глупость ситуации обрушилась на меня лавиной. Я стояла посреди грязного гаража с гаечным ключом в руке, готовая убить привидение, которым оказался ветер. Я хотела выругаться на цепь и не смогла — ещё задыхалась. Зато теперь знала, откуда идёт скрежет. Сквозь него различала другие звуки. Шорох бумаги в углу. Каплю воды, падающую с потолка. Скрип ставни. Я стала частью этого места, механизмом, который должен работать, чтобы выжить.

Голод и шок взяли своё. Тело потребовало отдыха, но разум отказывался отпускать контроль. Я нашла старый плед деда, пахнущий нафталином и пылью, и свернулась клуб-

ком на полу, подальше от сквозняка. Холод проникал сквозь ткань, впиваясь в кости.

И тут прорвало.

Я уткнулась ртом в край пледа, чтобы заглушить всхлипы. От нафталина першило в горле; я отрывалась вдохнуть и снова прятала лицо, уже не сдерживая голос. Я плакала о доме, который теперь обыскивают полицейские. О репутации, которую Артур растоптал одним своим решением подписать те часы моим именем. О мужчине, которого я любила двенадцать лет, и который оказался монстром в дорогом костюме. Будущее сгорело дотла за одну ночь, оставив после себя только пепел и запах жженой резины.

Я рыдала, пока не начала задыхаться, пока легкие не заложило спазмом. А потом резко замолчала.

Шум двигателя.

Не обычный. Мощный, низкий рокот дизеля, который я узнала бы из тысячи. Машина въехала во двор. Фары прорезали мрак гаража через щели в воротах, бросая длинные, прыгающие тени.

Инстинкт самосохранения перекрывал горе мгновенно. Я вскочила, отбросив плед. Руки снова затряслись, но теперь от адреналина. Кто? Полиция? Люди Артура? Или кто-то третий?

Дверь гаража распахнулась. Не скрипнув, а тяжело ударившись о стопор. Свет фонарика ударил мне в лицо, заставляя зажмуриться. Я видела только силуэт. Высокий, широ-

коплечий, неподвижный.

— Марина Волкова, — голос был низким, бархатистым, но лишенным теплоты. Знакомый голос. Несколько часов назад он приказывал мне положить телефон на стол.

— Вы пришли арестовать меня? — мой голос сорвался, превратившись в шепот.

Фонарик сместился, освещая его лицо. Четкие скулы, глаза цвета стали, губы, сжатые в тонкую линию. Ни капли сочувствия. Только оценка. Он смотрел на меня так, как реставратор смотрит на треснувший циферблат: можно ли спасти механизм или проще выбросить?

— Арестовать вас будет сложнее, чем защитить, — сказал он, убирая фонарь в карман. В другой руке он держал папку с документами. Никаких наручников. Никакого оружия на виду.

Я вышла из тени, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Я не пряталась. Смысла больше не было.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь говорить твердо, хотя колени предательски подгибались.

Карпов сделал шаг навстречу. Его запах ударил мне в ноздри: дорогой одеколон, табак и холодный воздух улицы. Опасный коктейль.

— Артур спрятал оригиналы механизмов в тайнике клуба «Кронос», — начал он, и каждое слово било точно в цель. — Эти часы — доказательство отмывания денег на миллиарды. И единственный человек, способный расшифровать эти ме-

ханизмы быстрее, чем их уничтожат, — это ты.

— И взамен? — я прищурилась.

— Алиби. Безопасность. И шанс увидеть, как Артур Громов сядет на десять лет.

— Нет, — ответила я сразу. Слово вышло резким, как удар молотка. — Я хочу исчезнуть. Уехать. Найти работу в другом городе. Чинить будильники в деревне. Мне не нужны ваши игры, господин следователь.

Карпов усмехнулся. Коротко, сухо.

— Исчезнуть? Ты уже пробовала. Твоя квартира была вскрыта людьми Артура час назад. Они ищут тебя. Прямо сейчас. Этот город — клетка, Марина. И ключ от нее есть только у меня.

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и правдивые. Я чувствовала холод, но внутри все кипело от бессилия. Он знал. Он всегда знает.

— Почему я должна верить тебе? — спросила я, глядя ему в глаза. — Ты такой же хищник. Просто более терпеливый.

— Потому что другие варианты хуже, — он посмотрел на свои часы. — У нас три минуты. После этого сюда приедут люди Артура. Они не будут задавать вопросов.

Мои мысли метались. Верить ему? Или умереть в этом гараже, защищая свою гордость? Гордость не кормит. Гордость не греет. Гордость мертва вместе с моим браком.

Внезапно телефон в кармане Карпова завибрировал. Он достал его, не отводя от меня взгляда, и повернул экран ко

мне. Видео с камеры наблюдения. Изображение зернистое, черно-белое. Двое мужчин в черных куртках идут вдоль стены соседних гаражей. Их лица скрыты капюшонами, но походка узнаваема — уверенная, хищная. Один из них нес в руках нечто длинное, завернутое в ткань.

— Это они, — сказал Карпов спокойно. — Решай, Марина. Медленная смерть в грязи или быстрая жизнь в клетке следователя.

Я посмотрела на свои порезанные пальцы, на грязные пятна крови на рукаве, на ржавый кузов «Волги». Потом перевела взгляд на его безупречно чистые туфли, отражавшие свет луны. Разница между нами была пропастью. Но эта пропасть — единственное место, где я могла переждать бурю.

— Ладно, — выдохнула я. — Показывай дорогу.

Карпов протянул руку. Я взяла ее. Его ладонь была сухой, горячей и твердой. Никакой нежности. Только рычаг управления.

Глава 5

Мы вышли из гаража. Ночь встретила нас морозным ветром, который мгновенно просушил слезы на щеках. Черный внедорожник стоял во дворе, двигатель работал на холостых оборотах. Карпов открыл пассажирскую дверь.

— Садись.

Я забралась внутрь. Салон пах кожей и новым автомобилем. Тишина внутри была оглушающей после скрежета цепи. Я ждала тепла. Ждала вопроса «Как ты?» или хотя бы вздоха облегчения. Но Дмитрий Карпов молча сел на водительское место и включил кондиционер на максимум. Холодный поток воздуха ударил мне в лицо, заставляя поежиться.

С заднего сиденья он взял сложенную рубашку. Белую, хлопковую, идеально отглаженную. Бросил мне на колени.

— Переоденься. На тебе кровь и пыль. Это привлекает внимание.

Я посмотрела на рубашку, потом на него.

— Если ты начнешь плакать, — произнес он, не глядя на меня, сосредоточенно выруливая со двора, — я высажу тебя здесь. Я не нянька, Волкова. Я использую инструменты.

Слова были как пощечина. Обиднее любого унижения от Артура. Артур бил словами, потому что хотел ранить. Карпов назвал меня инструментом и пригрозил бросить под чужие ноги. Никакая эффективность не делала это нормаль-

ным.

Я сдержала слезы, которые снова подступили к горлу. Злость — лучшее топливо. Я натянула чужую рубашку поверх своей грязной футболки. Ткань пахла его одеколоном. Запах опасности, силы и абсолютного контроля.

Машина выехала на улицу, растворяясь в потоке ночного Петербурга. Я посмотрела в зеркало заднего вида. Гараж деда исчезал в темноте. Но прежде чем он скрылся окончательно, в тени между стенами я увидела фигуру. Человек в капюшоне стоял на том самом месте, где минуту назад была я. Он не двигался. Он смотрел нам вслед.

Мне почудилось, что он улыбается.

Холодок пробежал по спине. Игра началась. Мы оба — и я, и этот странный, опасный союзник в моей машине — стали мишенями. И я понимала, что выхода нет. Есть только путь вперед, сквозь тьму, держась за руку того, кто может провести через ад, но никогда не спасет от греха.

Запах старой краски и ржавчины въелся в мои ноздри, став ароматом моего нового дома. Я сидела на скрипучем табурете в мастерской деда, перебирая шестеренки от будильника «Маяк», когда дверь распахнулась без стука. Дмитрий Карпов вошел так, будто был здесь хозяином. Его плащ еще пах уличной сыростью Петербурга и дорогим табаком — смесь, которая сводила с ума своей опасностью.

— Архивы, Марина, — его голос был низким баритоном, который вибрировал где-то в области солнечного сплетения.

— Мне нужны чертежи механизма «Кроноса». Все версии. Включая те, которые ты спрятала от мужа.

Я замерла, не поднимая глаз от детали, зажатой в пинцете. Страх сковал горло холодными пальцами. Если я отдам эти бумаги, они узнают, где я прячусь. Люди Артура уже рыскали по городу, как стая голодных волков. А этот человек... он просто хочет использовать меня. Выжать до последней капли знаний и выбросить, когда стану ненужной.

— Нет, — сказала я тихо, но твердо. Пинцет дрогнул в руке. — Это моя единственная страховка. И ваша защита — лишь иллюзия, если Артур решит, что я знаю слишком много.

Карпов сделал шаг вперед. Потом еще один. Он подошел вплотную, нависая надо мной всей своей массивной фигурой. Мне пришлось задрать голову, чтобы встретить его взгляд. В его глазах не было сочувствия. Только стальная расчетливость следователя, привыкшего давить.

— Ты ошибаешься, — произнес он, и его дыхание коснулось моего лба. — Полиция уже выписала ордер на твой арест. Соучастие в мошенничестве в особо крупных размерах. Моя подпись под гарантией безопасности — единственное, что отделяет тебя от камеры в СИЗО «Кресты». Выбирай, Марина: свобода или стены?

Поворот был резким, как удар хлыста. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Я не партнер. Я заложница. Его слова были правдой, и эта правда душила сильнее, чем ложь

Артура.

— Почему ты рискуешь карьерой ради меня? — спросила я, пытаясь найти брешь в его броне. — У тебя достаточно дел без какой-то реставраторши.

Дмитрий молчал. Вместо ответа он обогнул стол, блокируя мне путь к выходу. Пространство комнаты сузилось до размеров клетки. Я инстинктивно отшатнулась назад, упираясь спиной в шершавую кирпичную стену. Холод камня пронизывал тонкую ткань моей водолазки.

Он остановился всего в полуметре от меня. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и мокрый асфальт. Этот аромат кружил голову, смешиваясь с адреналином страха. Внутри меня что-то щелкнуло: странное, запретное притяжение к этому мужчине, который мог уничтожить меня одним словом.

— Потому что ты умнее, чем думаешь, — прошептал он, глядя мне прямо в рот. — И потому что Артур Громов должен пасть. А ты — единственный ключ к его падению.

Я отвела взгляд, чувствуя, как щеки горят от стыда и злости. Но сопротивление таяло.

— Один файл, — согласилась я, отрываясь от стены. — Только схему скрытого отсека. Остальное останется здесь. Как гарантия того, что ты не сдашь меня своим коллегам при первой возможности.

Дмитрий усмехнулся. Это была улыбка хищника, почуявшего кровь.

— Справедливо. Показывай.

Мы перешли к старому ноутбуку, который Карпов принес с собой. Экран засветился тусклым голубым светом, отражаясь в моих глазах. Я начала ввод паролей, память возвращала цифры, которые я когда-то считала несущественными. Пока грузились файлы, внимание привлекло открытое окно браузера на соседней вкладке.

Фотография. Высокое разрешение. Елена Соколова в платье цвета шампанского, смеющаяся в лицо человеку, которого я знала лучше всех на свете. Рука Артура лежала на её талии. Дата снимка: вчера. Место: тот самый ресторан, куда он якобы ездил «на встречу с инвесторами».

Тошнота поднялась из желудка комом. Меня замутило. Не от боли предательства — это чувство я уже пережила, когда Артур потребовал меня изолировать. От унижения. От осознания того, насколько жалко я выглядела в их игре. Я чистила его часы, полировала циферблаты, храня верность, пока он грел постель другой женщине, готовя капкан для нас обоих.

Я сжала челюсти так, что заболели зубы. Я увеличила снимок. На её талии лежала рука с запонкой, которую я подарила Артуру на годовщину. Хорошо выбрала. И к её платью подходила.

— Он спал с ней, пока я чистила его часы, — произнесла я жестче, чем обычно шептала. Мой голос был сухим треском веток.

Дмитрий посмотрел на экран, потом на меня. В его взгляде мелькнуло уважение. Он перестал видеть во мне испуганную девочку. Теперь перед ним стоял противник.

— Значит, нам нужно поторопиться, — сказал он, закрывая окно. — Посмотри, что я нашёл.

Он развернул ноутбук ко мне. На экране появилась схема огромных напольных часов, стоявших в главном зале клуба «Кронос». Но это были не обычные часы. Внутри корпуса, среди шестеренок и маятников, скрывались микрофильмы.

— Артур не просто отмывал деньги, — начал объяснять Карпов, водя указкой по схеме. — Он использовал механизм для хранения компромата на чиновников высшего звена. Записи переговоров, финансовые потоки, имена заказчиков убийств. Всё зашифровано в ритме боя этих часов. Специальный код, который знает только ты, как автор реставрации оригинального механизма.

Я смотрела на схему, и мир вокруг плыл.

— То есть я не свидетель? — уточнила я. — Я мишень номер один.

— Твоя жизнь стоит дешевле, чем секрет в этих шестеренках, — ответил он безжалостно.

— Тогда я отказываюсь. Я хочу выйти из этой игры.

Дмитрий молча достал из внутреннего кармана куртки предмет, завернутый в темную ткань. Развернул. Пистолет. Гладкий, черный, тяжелый.

— Если ты откажешься, я буду обязан сдать тебя полиции

вместе с этим оружием, которое нашли в твоей сумке при обыске. Тебя посадят за незаконное хранение оружия и соучастие. А Артур доберется до тебя в колонии раньше, чем ты успеешь моргнуть.

Он положил пистолет на стол рядом с моими инструментами. Металл блеснул в свете монитора.

— Артур убьет тебя не потому, что ты знаешь слишком много, а потому, что ты жива. Я могу сделать так, чтобы ты была мертва для него, но жива для закона. Это наш единственный шанс.

Внезапно телефон Дмитрия завибрировал на столе. Экран осветился входящим сообщением. Карпов прочитал текст и побледнел. Лицо каменного истукана впервые дрогнуло.

— Что там? — Я наклонилась через стол, пытаясь прочесть экран, который он держал к себе.

Он повернул телефон экраном ко мне. Сообщение было коротким: «У вас есть час, чтобы вернуть долг или мы вернем вам тело деда».

Почерк? Нет, это была SMS. Но контекст... Артур знал о дедушке. Знал, что я здесь.

— Они близко, — прошептал Дмитрий.

— Дед! — я вскочила, готова была бежать, ломать стены, идти напролом. Паника захлестнула разум, затмевая логику. Я побежала к двери, но сильная рука перехватила мое запястье. Больно. Крепко.

— Стоять! — рявкнул он. Это был приказ, от которого

тело слушалось само.

— Пусти! Они могут убить его!

— Это блеф, — Дмитрий говорил спокойно, но его глаза метали молнии. — Артур проверяет нашу реакцию. Если ты сейчас выйдешь, ты выдашь себя.

Он взял трубку. Набрал номер. Поднес к уху.

— Алло. Код «Хронос-Ноль». Повторите.

Тишина на другом конце длилась вечность. Потом послышался короткий гудок, и линия оборвалась.

Дмитрий медленно опустил телефон.

— Это блеф. Но они близко. Нам нужно менять локацию. Прямо сейчас.

Мы вышли из квартиры через черную лестницу, ведущую в гараж. Воздух там был холодным и пахло бензином и машинным маслом. Я дрожала, хотя на улице было плюс десять. Дмитрий вел себя как командир на войне: быстро, четко, без лишних слов.

— План такой, — сказал он, открывая багажник своего внедорожника. Там лежали документы, фальшивые паспорта и коробка с деньгами. — Мы встречаемся с посредником Артура. Обмен фальшивыми документами на информацию о тайнике. Ты играешь роль преданной жены, которая пришла умолять о пощаде.

Глава 6

Я уставилась на него.

— Приманка? Ты хочешь сделать из меня приманку? Это самоубийство. Артур увидит меня и поймет, что всё подстроено.

— Он ожидает увидеть именно тебя, — возразил Дмитрий, доставая из коробки папку. — Марину Волкову, сломленную, зависимую, готовую на всё ради мужа. Если ты выступишь в роли жертвы обстоятельств, он расслабится. У него эго размером с эту машину. Он никогда не поверит, что ты можешь быть опасна.

— А если я откажусь играть актрису?

— Тогда ты останешься здесь одна. И завтра утром ты найдешь своего деда в реке. Выбор за тобой, Марина. Ты будешь ждать, пока он решит за тебя?

Его слова ударили в точку. Он давал мне контроль над формой, оставляя содержание за собой. Это была манипуляция. Честного выбора между работой на него и смертью деда не существовало, как бы спокойно Дмитрий об этом ни говорил.

Я взяла папку. Пальцы все еще дрожали, но внутри стало пусто и холодно.

— Хорошо. Я сыграю. Но я буду решать, как именно я буду плакать и умолять.

Дмитрий кивнул.

— Договорились.

Пока я переодевалась в запасную рубашку, которую он протянул (серая, безупречно чистая), мой взгляд упал на внутреннюю сторону его куртки, оставленной на скамейке. Карман был слегка расстегнут. Там виднелся уголок фотографии.

Я не должна была смотреть. Но любопытство, смешанное с подозрением, толкнуло меня вперед. Я вытащила фото.

На снимке молодой Дмитрий Карпов стоял рядом с мужчиной. Мужчина был старше, с добрыми глазами и руками, покрытыми пятнами смазки. На заднем плане — та самая мастерская, где я выросла. Отец. Тот, кого я считала погибшим в автокатастрофе двадцать лет назад.

Сердце заколотилось где-то в горле.

— Что это? — спросила я, когда Дмитрий вернулся.

Он увидел фото в моей руке. Не стал вырывать. Просто вздохнул, тяжело и устало.

— Мой отец тоже реставрировал часы, — сказал он, подходя ближе. Его голос потерял стальную нотку, став тише и глубже. — И тоже умер «в аварии». Когда ему было тридцать пять.

Я подняла глаза на Дмитрия. Свет в гараже был тусклым, тени ложились на его лицо резкими полосами.

— Ты знал его?

— Я был свидетелем. Последним. — Дмитрий посмотрел

мне прямо в глаза, и в этом взгляде было столько боли, что я забыла о страхе. — Мы с тобой, Марина, не жертвы обстоятельств. Мы — наследники тех, кого они пытались стереть. Артур не просто убил твоего отца ради денег. Он убил его, чтобы украсть идею. Идею о том, что время можно контролировать.

Я смотрела на фотографию, пытаясь узнать отцовские руки под пятнами смазки. Дмитрий хранил её все эти годы. За его разговорами о деле стояла такая же потеря, как моя.

— Почему ты не рассказал сразу? — прошептала я.

— Потому что ты бы не поверила. А теперь... теперь ты видишь врага не как абстракцию, а как личного демона. Это делает тебя сильнее.

Дмитрий протянул мне старый ключ. Тяжелый, бронзовый, с замысловатым зубцом.

— Это ключ от сейфа в мастерской деда. Того самого, который ты никогда не могла открыть, даже когда была маленькой. Артур уверен, что там ничего нет. Старые записи. Пустая трата времени.

Я взяла ключ. Он был теплым от его руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.